

Научная статья  
УДК: 343.135:341  
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-222-228>



**Институт примирения с потерпевшим по делам частного и частно-публичного обвинения в уголовно-процессуальном праве Республики Таджикистан и Российской Федерации: историко-правовой анализ (дореволюционный, советский и постсоветский периоды)**

**Сохибназар Махмуд Сафарали**

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, E-nazarovm205@gmail.com

**Аннотация.** Статья посвящена историко-правовому анализу уголовно-процессуального института освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим по делам публичного обвинения в России и Республике Таджикистан. Автор анализирует исторические истоки указанного института, приходя к выводу, что он представляет собой качественно новый правовой феномен.

**Ключевые слова:** примирение, потерпевший, освобождение от уголовной ответственности

**Для цитирования:** Сохибназар М. С. Институт примирения с потерпевшим по делам частного и частно-публичного обвинения в уголовно-процессуальном праве Республики Таджикистан и Российской Федерации: историко-правовой анализ (дореволюционный, советский и постсоветский периоды) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 4 (68). С. 222–228. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-222-228>.

Original article

**Institute of reconciliation with the victim in cases of private and private-public prosecution in the criminal procedural law of the Republic of Tajikistan and the Russian Federation: historical and legal analysis (pre-revolutionary, Soviet and post-Soviet periods)**

**Mahmud S. Sohibnazar**

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, E-nazarovm205@gmail.com

**Abstract.** The article is devoted to a historical and legal analysis of the criminal procedural institution of exemption from criminal liability in connection with reconciliation with the victim in cases of public prosecution in Russia and the Republic of Tajikistan. The author analyzes the historical origins of this institution, coming to the conclusion that it represents a qualitatively new legal phenomenon.

© Сохибназар М. С., 2024

**Keywords:** reconciliation, victim; exemption from criminal liability

**For citation:** Sohibnazar M. S. Institute of reconciliation with the victim in cases of private and private-public prosecution in the criminal procedural law of the Republic of Tajikistan and the Russian Federation: historical and legal analysis (pre-revolutionary, Soviet and post-Soviet periods). *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 4 (68), pp. 222–228. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-222-228>.

Данная статья посвящена анализу исторических основ института прекращения уголовного преследования в связи с примирением с потерпевшим по делам публичного обвинения. В ней мы проанализируем историческую преемственность между формами прекращения уголовного преследования на различных этапах развития уголовного процесса Российской Федерации и Таджикистана. Для этого необходимо обратиться к периоду начиная с древних времен, а также к советскому этапу развития нашего общества. Кроме того, затронем и часть постсоветского периода, вплоть до принятия действующего Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан 2009 года.

В уголовном процессе Российской Федерации и Республики Таджикистан, как и на всем постсоветском пространстве, уголовно-процессуальный институт примирения является достаточно новым. Действовавший ранее Уголовно-процессуальный кодекс Таджикской ССР 1961 года предусматривал статью 5.3 «Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим» [1]. Данная норма давала право уполномоченным органам государства прекратить уголовное дело либо отказать в его возбуждении, если привлекаемое лицо совершило преступление небольшой тяжести впервые и возместило ущерб. В этом смысле действующий институт примирения является преемником ранее действующего аналогичного правового феномена. С другой стороны, в Российской Федерации институт освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим появился исключительно в связи с принятием и введением в действие действующего Уголовного кодекса Российской Федерации, то есть в 1996 году.

Идея отказа или прекращения уголовно-процессуальной деятельности в связи с тем, что потерпевший и обвиняемый примирились, то есть в связи с волеизъявлением частных лиц, обрела нормативное воплощение только в постсоветский период, что обуславливается идеологическими установками марксизма-ленинизма и тотальным доминированием публичного начала

в тот период. Дело в том, что в советскую эпоху уголовное судопроизводство на уровне идеологии рассматривалось как одно из средств перевоспитания преступника, так как позиционировалось, что по мере продвижения к коммунизму преступность как общественное явление будет отмирать, а люди, совершающие преступления, делают это в основном по причине неосознанности и прошлого влияния буржуазного общества. Соответственно, перевоспитанием лиц, совершивших незначительные преступления, или несовершеннолетних преступников может заниматься не исправительная система, а само общество в лице своих общественных и партийных институтов.

Так, Основы уголовного судопроизводства СССР и союзных республик 1958 года [2] в статье, посвященной обстоятельствам, исключаящим производство по уголовному делу, содержали положение о том, что уголовное дело не может быть возбуждено, а возбужденное дело подлежит прекращению за примирением потерпевшего с обвиняемым в случаях, предусмотренных законодательством союзных республик (ст. 5). Однако это не означало, что законодатель признавал за государством возможность не осуществлять уголовное преследование в случае примирения сторон. Обращение к Уголовному кодексу и Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР 1960 года, а также к Уголовно-процессуальному кодексу Таджикской ССР 1961 года показало, что эти нормативные акты указанную возможность не предусматривали. В указанных актах были закреплены следующие основания прекращения уголовного дела по незначительным преступлениям: в связи с передачей в товарищеский суд, с передачей лица на поруки, с привлечением лица к административной ответственности и др. Надо признать, что советский законодатель разработал достаточно разнообразный перечень альтернатив привлечению лица к уголовной ответственности, что, конечно, обеспечивало гибкость уголовно-процессуального механизма.

С другой стороны, исходя из превалирования публичных интересов, советские законы

в принципе не предусматривали возможность окончания уголовно-процессуальной деятельности в связи с волеизъявлением частных лиц, тем самым на нормативном уровне ограничивая, если не сказать, игнорируя, интересы потерпевших, зачастую не заинтересованных в уголовном преследовании виновного лица либо готовых примириться со своим обидчиком.

Даже в указанных выше случаях прекращения уголовного дела согласие потерпевшего на прекращение уголовного дела в этих случаях не предусматривалось. В его отношении действовал уведомительный порядок с предоставлением возможности в достаточно ограниченный срок (5 суток) обжаловать решение о прекращении дела в вышестоящий суд или вышестоящему прокурору.

Неудивительно, поскольку советская идеология исходила из абсолютного превосходства публичного интереса над частным, а уголовное судопроизводство, как известно, является правом публичным. Ставя в приоритет общественные интересы в ущерб интересам частным, советский законодатель на всем протяжении существования советского государства отказывался признавать примирение потерпевшего по делам частно-публичного и публичного обвинения как юридический факт, влекущий даже потенциальную возможность прекращения уголовно-процессуальной деятельности.

Единственное, где советский законодатель формально допускал возможность прекращения уголовного дела в связи с примирением, — это дела частного обвинения, составлявшие незначительную часть от общего массива уголовных дел. В целом основной посыл, который вкладывался советским законодателем при установлении возможности быть освобожденным от уголовной ответственности при наличии доказательств его виновности, следующий: лицо, привлеченное к ответственности впервые по подозрению (обвинению) в совершении незначительного преступления, могло быть освобождено в зависимости от усмотрения органов следствия, прокуратуры и суда с передачей его на перевоспитание в коллективные общественные органы (товарищеские суды, трудовые коллективы и т. д.) либо в связи с изменением обстановки, если лицо или деяние перестало быть общественно опасным. В результате, как подчеркивается в научных источниках, «...основания и процессуальный порядок прекращения уголовного дела в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым в советский период нашего уголовного

и уголовно-процессуального законодательства не претерпевали существенных изменений. Законодатели не уделяли этому основанию особого пристального внимания» [3, с. 52].

В то же время нельзя однозначно утверждать, что советское право вообще игнорировало потенциал компромиссных форм прекращения уголовно-правового спора. Некоторые советские основания прекращения уголовного дела действительно имели компромиссный характер, хотя последний и был подчинен публичному интересу. Но даже если взять те основания, где задействовались общественные организации, ни одно из них не может квалифицироваться как предтеча современного института примирения с потерпевшим.

Мы делаем такой вывод на основании следующих аргументов: а) волеизъявление потерпевшего в принципе не являлось обязательным условием для принятия решения о прекращении; б) аналогичная ситуация и с возмещением ущерба потерпевшему; в) основным участником указанных институтов, помимо органов предварительного расследования и суда, были не потерпевший, а различные общественные объединения и организации.

Таким образом, мы не можем утверждать историческую преемственность между современным уголовно-процессуальным институтом примирения с потерпевшим и советскими правовыми формами прекращения уголовного дела.

Но а как же с дореволюционным законодательством?! Для ответа на этот вопрос обратимся к соответствующему историческому периоду.

В России с древних времен, когда господствовал обвинительный процесс, примирение сторон в судебном процессе предопределяло итоговое решение суда. Поскольку обвинительный процесс характеризовался активными сторонами и пассивным судом, действия сторон в принципе имели решающее процессуальное значение. Уголовное производство начиналось только по жалобе потерпевшего и оканчивалось, если стороны пришли к какому-либо соглашению. В качестве законодательных актов, закрепляющих возможность примирения до обращения в суд, называют Двинскую уставную грамоту (1397–1398) (ст. 3) и Псковскую судную грамоту (1397). В целом, как отмечается в литературе, «...об урегулировании споров путем примирения упомянуто практически во всех крупных памятниках русского права» [4, с. 26]. При этом, немаловажно то, что в качестве обязательного условия примирения выступало исполнение требования об испрошении прощения

и возмещении причиненного вреда. Кроме того, уже тогда были определены те деяния, процесс по которым не мог быть окончен в связи с примирением.

В дальнейшем происходит усиление розыскных начал уголовного процесса, выразившееся в том числе и в том, что теперь примирение должно утверждаться судом (Великокняжеский Судебник 1497 г.), а также в расширении списка деяний, по которым запрещалось примирение сторон. Судебник 1550 года еще более расширил указанный перечень. Речь идет в основном о «лихих делах» и о преступлениях, совершенных так называемыми «лихими людьми», то есть о деяниях, посягнувших на государственный порядок (разбой, душегубство) либо совершенных повторно.

В последующую эпоху тенденция к расширению и усилению розыскных начал в русском уголовном процессе только усиливается. В период правления Петра I примирение как основание освобождения от уголовного преследования перешло из разряда правил в исключения и фактически распространялось только на дела частного обвинения. По так называемым публичным составам примирение могло выступать как обстоятельство, смягчающее ответственность, но не определяющее судьбу уголовного преследования. В целом эпоха от царствования Петра I до реформ 1864 года характеризовалась доминированием розыска. И хотя определяющая роль примирения по делам частного обвинения пересмотру не подвергалась, но в сфере публичного обвинения господствовало усмотрение государственных органов. В том же Артикуле Воинском, утвержденном 26 апреля 1715 года, закреплялся перечень преступлений, прекращение производства по которым запрещалось ввиду примирения сторон, и в дальнейшем этот перечень только возрастал.

Первый период правления Екатерины II характеризовался определенным влиянием идей Просвещения, проявлением чего стало в том числе введение примирительного порядка прекращения судопроизводства по делам о незначительных преступлениях и гражданских деликтах. Одной из задач, образованных под влиянием известного французского просветителя Ш. Л. Монтескье совестных судах, виделось способствование примирению сторон. Сам Совестный суд образовывался при губерниях и рассматривал в основном дела о незначительных деяниях.

Однако, как мы указали выше, общая тенденция определялась устоявшимся взглядом

на преступление как дело общественное, государственное, что в принципе ограничивало потенциал примирения. С другой стороны, следует понимать, что вплоть до революции 1917 года перечень деяний, возбуждение дела по которым зависело от воли потерпевшего, был более обширен, по сравнению с советским и современным периодами. Так, согласно Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года наказание могло быть отменено, если обвиняемый примирился с потерпевшим по таким преступлениям, как письменная клевета, нанесение легких ран, обольщение незамужней женщины торжественным обещанием на ней жениться, прелюбодеяние, упорное неповиновение детей родителям и др. [5].

Реформы Александра II в области уголовного права и процесса ознаменовали поворот в сторону расширения состязательных начал. Устав уголовного судопроизводства 1864 года в пункте 3 статьи 16 предусматривал, что судебное преследование не возбуждается, а если и возбуждено, то подлежит прекращению в том числе и в связи с примирением обвиняемого с обиженным в указанных законом случаях [6]. Однако и здесь речь шла только о делах частного обвинения, которое тогда охватывало более 20 составов. С другой стороны, примирение сторон выступало не только как обстоятельство, освобождающее от ответственности, но и как устраняющее наказание.

Достаточно обстоятельно и всесторонне в сфере дореволюционного института примирения сторон подвела итоги Н. Г. Ефремова, сформулировавшая его следующие ключевые характеристики:

- 1) под примирением в тот период понималось основание освобождения от наказания либо для смягчения его;
- 2) примирение было направлено преимущественно на удовлетворение частного интереса, но вместе с тем обеспечивало и общественный интерес;
- 3) в целом примирение с потерпевшим — это исторически сложившееся частное начало в публичном праве, известное не только российской правовой системе [7, с. 90].

Необходимо иметь в виду, что многонациональный характер Российского государства обуславливал тот факт, что во многих его регионах действовали местные нормы, обычаи и обычновения. Не являлся исключением и Таджикистан, где вплоть до 1917 года действовали социальные нормы в виде обычаев, традиций и обычновений. При этом одним из последствий

присоединения к России во второй половине XIX века было то, что на территории современного Таджикистана действовали три нормативные системы: российская, система обычного права и права исламского.

Поскольку советский период уже рассмотрен нами выше, перейдем к постсоветскому этапу развития института примирения сторон. Распад Советского Союза и обретение Таджикистаном в 1991 году независимости обусловили развитие общественно-политического кризиса, проявлением которого явилась гражданская война в Таджикистане в первой половине 90-х годов XX века. Однако, несмотря на эти трагические события и многие другие трудности молодой республики, процесс активного становления правовой системы Таджикистана не останавливался. В 1994 году принята Конституция независимого Таджикистана [8], объявившая его суверенным демократическим правовым светским унитарным государством (ст. 1). В области уголовного процесса вплоть до 2010 года действовал Уголовно-процессуальный кодекс Таджикской ССР 1961 года с многочисленными изменениями. Однако, несмотря на то, что этот акт действовал еще с советского времени, вносимые в него с 1991 года изменения и дополнения определялись новой эпохой, характеризующейся отказом от марксистско-ленинской идеологии и переходом к рыночной экономике, установлением частной собственности и обращением к правам и свободам человека и гражданина как к новым ценностям нового государства. В этой связи было очевидно, что многие положения ранее действовавшего законодательства уже не соответствовали ни экономическим, ни социальным, ни политическим потребностям современного таджикского общества.

Все это предопределило и масштабные изменения в уголовном процессе почти всех постсоветских стран, в том числе и Таджикистана. Среди этих изменений были и те, которые напрямую касались института примирения. Свято это было с введением с силу в 1998 году нового Уголовного кодекса Республики Таджикистан (далее — УК РТ) [9]. Последний упразднил ряд вышеупомянутых оснований освобождения от уголовной ответственности, связанных с участием общественных организаций, и ввел новые, среди которых было и такое, как «Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим» (ст. 73 УК РТ). Данные новеллы обусловили и соответствующие изменения и в уголовно-процессуальном законе. Согласно Закону Республики Таджикистан

«О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан» от 21 мая 1998 года [10], статья 5.3 была изложена в новой редакции с одноименным названием со статьей 73 УК РТ. Тем самым ушли в прошлое и так не действовавшие на тот момент основания, связанные с возможностью прекратить дело в связи с задействованием общественных организаций, и появились новые, в гораздо большей мере учитывающие частные интересы. Среди последних значимой новеллой стало образование нового комплексного межотраслевого института освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим по делам частного-публичного и публичного обвинения.

Произошедшее мы расцениваем как своего рода локальную уголовно-правовую революцию, так как впервые таджикский законодатель на нормативном уровне признал волеизъявление потерпевшего и обвиняемого как условие возможного прекращения уголовно-процессуальной деятельности по делам частного-публичного и публичного обвинения, тем самым несколько ограничив тотальное доминирование принципа публичности интересами частных лиц.

Обращение к новым нормам уголовного и уголовно-процессуального законодательства позволяет выделить следующие ключевые характеристики нового института:

а) прекращение уголовного дела в связи с примирением — это право, а не обязанность органов предварительного расследования и суда;

б) решение об освобождении от уголовной ответственности может быть принято как на стадии возбуждения уголовного дела, то есть как решение об отказе в возбуждении уголовного дела, так и по возбужденному уголовному делу, то есть как решение о прекращении производства по делу;

в) сфера уголовно-правового примирения сторон ограничивается преступлениями небольшой тяжести;

г) решение может быть принято как на досудебном производстве, так и в суде;

д) лицо, освобождаемое от ответственности, должно совершить преступление впервые;

е) субъектами принятия решения выступают суд, прокурор, а также следователь или орган дознания с согласия прокурора.

В первую очередь бросается в глаза то, что, конструируя уголовно-процессуальную процедуру принятия решения в связи с освобождением

от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим, законодатель опирается преимущественно на уголовно-правовую терминологию, что, с одной стороны, объясняется тем, что оно имеет уголовно-правовые корни, а с другой — как представляется, избыточной материально-правовой центричностью таджикского права.

Нельзя не отметить определенную «робость» законодателя, предусмотревшего возможность примирения только по преступлениям небольшой тяжести. Как покажет дальнейшая практика, этого явно было недостаточно, так как на тот момент отсутствовали препятствия для того, чтобы включить в сферу данного института и преступления средней тяжести. Впрочем, следует заметить, что указанная «робость» была присуща и российскому законодателю в первоначальной редакции Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 года, связавшего возможность освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением только с преступлениями небольшой тяжести.

Законодатель явно опасался доверить органам дознания право непосредственного освобождения от ответственности без какого-либо формального согласования данного решения, предоставив подобное право только прокурору и следователю. Дознаватель, в отличие от следователя, обязан в этом случае согласовывать свое решение с прокурором.

Необходимо указать и на такое большое преимущество анализируемого института, в особенности по сравнению с его российским аналогом, как возможность его применения до принятия решения о возбуждении уголовного дела. Считаем это очень серьезным и значимым плюсом, так как позволяет решить уголовно-правовой конфликт еще до полноценного официального запуска уголовного преследования и, соответственно, более оптимально использовать потенциал института примирения сторон в целях процессуальной экономии и гибкости уголовной репрессии.

В целом можно сказать, что новый межотраслевой институт освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением по делам частного-публичного и публичного обвинения явился, что называется, «новым словом» в уголовном и уголовно-процессуальном праве Республики Таджикистан, учитывая, что до этого, следуя советскому фарватеру, законодатель такую возможность отвергал.

Вышеизложенное позволило прийти к следующим выводам: и в дореволюционный, и

в советский периоды примирение с потерпевшим как основание для освобождения от уголовной ответственности рассматривалось применительно к делам частного уголовного преследования (обвинения). Доминирование розыскных начал такую возможность исключало. Обретение Республикой Таджикистан независимости в 1991 году ознаменовало качественно новый этап развития страны, что, естественно, обусловило масштабные изменения в законодательстве, одним из которых явилось расширение частных начал в уголовном и уголовно-процессуальном праве. Проявлением указанной тенденции стало введение в 1998 году нового межотраслевого института освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим. При этом нельзя не отметить определенную нерешительность законодателя, ограничившего сферу применения нового института исключительно преступлениями небольшой тяжести. С другой стороны, его конструкция позволяет задействовать потенциал еще до принятия решения о возбуждении уголовного дела, что является его несомненным преимуществом.

#### Список источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Таджикской ССР // Свод законов Таджикской ССР. Душанбе: Ирфон, 1987. С. 410–561.
2. Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик. URL: <https://docs.cntd.ru/document/9006425?ysclid=lvnueoy0dn446613097> (дата обращения: 21.04.2024).
3. Меркулова Н. С. Исторические аспекты освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим в советский период // Евразийский научный журнал. 2023. № 5.
4. Попаденко Е. В. Институт примирения в истории российской уголовной юстиции (дореволюционный период) // Право: история и современность. 2021. № 3 (16).
5. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года. URL: <https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/ulonakaz1845?ysclid=lvnv4v0f3k860835135> (дата обращения: 21.04.2024).
6. Устав уголовного судопроизводства. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/?ysclid=lvnv7r2gnt539335606> (дата обращения: 21.04.2024).
7. Ефремова Н. Г. Традиция примирения в истории обычного права и законодательства России: (дореволюционный период) // Государство и право. 2011. № 7.
8. Конституция Республики Таджикистан от 6 ноября 1994 года. URL: [https://online.zakon.kz/Document/?doc\\_id=30391383](https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30391383) (дата обращения: 21.04.2024).

9. Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 года № 574. URL: [https://online.zakon.kz/Document/?doc\\_id=30397325](https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397325) (дата обращения: 21.04.2024).

10. О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан: закон Республики Таджикистан от 21 мая 1998 года № 576. URL: [http://adlia.tj/show\\_doc.fwx?rgn=4352](http://adlia.tj/show_doc.fwx?rgn=4352) (дата обращения: 21.04.2024).

### References

1. Criminal Procedure Code of the Tajik SSR. Code of Laws of the Tajik SSR. Dushanbe: Irfon, 1987. Pp. 410–561. (In Russ.)

2. Fundamentals of criminal proceedings of the USSR and union republics. URL: <https://docs.cntd.ru/document/9006425?ysclid=lvnueoy0dn446613097> (accessed 21.04.2024). (In Russ.)

3. Merkulova N. S. Historical aspects of exemption from criminal liability in connection with reconciliation with the victim in the Soviet period. *Eurasian scientific journal*, 2023, no. 5. (In Russ.)

4. Popadenko E. V. Institute of reconciliation in the history of Russian criminal justice (pre-revolutionary period). *Law: history and modernity*, 2021, no. 3 (16). (In Russ.)

5. Code on criminal and correctional punishments of 1845. URL: <https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/ulonakaz1845?ysclid=lvnv4v0f3k860835135> (accessed 21.04.2024). (In Russ.)

6. Charter of criminal proceedings. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/?ysclid=lvnv7r2gnt539335606> (accessed 21.04.2024). (In Russ.)

7. Efremova N. G. Tradition of reconciliation in the history of customary law and legislation of Russia: (pre-revolutionary period). *State and law*, 2011, no. 7. (In Russ.)

8. Constitution of the Republic of Tajikistan of November 6, 1994. URL: [https://online.zakon.kz/Document/?doc\\_id=30391383](https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30391383). (accessed 21.04.2024). (In Russ.)

9. Criminal Code of the Republic of Tajikistan no. 574 of dated May 21, 1998. URL: [https://online.zakon.kz/Document/?doc\\_id=30397325](https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397325). (accessed 21.04.2024). (In Russ.)

10. On introducing amendments and additions to the Criminal Procedure Code of the Republic of Tajikistan: law of the Republic of Tajikistan no. 576 of dated May 21, 1998. URL: [http://adlia.tj/show\\_doc.fwx?rgn=4352](http://adlia.tj/show_doc.fwx?rgn=4352). (accessed 21.04.2024). (In Russ.)